

1678, 288], *Копосов* – Матюшка Иванов с. *Копосов*, детеныш [КПВу I 1678, 371], *Оконичников* – Родіонко Даниловъ с. *Оконичник*, бобыль [ПКВ 1629, 145], Мелешка Онофріевъ с. *Оконичников* [ПКВ 1629, 73], Ивашко Марковъ с. *Оконичникъ* [ПКВ 1629, 66] и др.

Общий удельный вес прозвищных имен XVII в., восходящих к именам нарицательным, которые относятся исключительно к группе вологодских говоров, невелик (5 % всех прозвищных имен). Однако наибольшее количество прозвищных имен с вологодскими диалектными корнями сосредоточено в двух лексико-семантических группах: «Свойства, характер, поведение человека» и «Внешний вид человека». Фамилии с диалектными основами почти полностью сохранились до наших дней: *Ваганов*, *Варганов*, *Галибин*, *Глотов*, *Клепиков*, *Лазунов*, *Лоскутов*, *Рохлин* и др.

КПВ 1678 – Книга переписная г. Вологды 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина. РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14741.

КПВу I – Книга переписная Вологодского уезда 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина Заозерские половины поместные. РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14733.

ПКВ 1629 – Список с писцовой книги г. Вологды 1629 года // Источники по истории Вологды. Вологда, 1904. Вып. I.

ПКВ 1711 – Книга переписная г. Вологды переписи и меры И. Шестакова и В. Пикина 1711 года. ГАВО, ф. 652, оп. 1, № 37.

Сторожев В. Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. СПб., 1906. Вып. I.

Н. И. Коновалова
Екатеринбург

Дискурсивная семантизация примет в диалектной речи

В когнитивных стратегиях представления познанного в тексте примет лежит стремление обнаружить и интерпретировать знак как символ какого-либо события, в большей или меньшей степени поддающегося рациональному осмыслению.

Семантика народной приметы характеризуется разной глубиной осмысления опыта освоения действительности, который может представлять когницию, с одной стороны, как обыденную (профанную) бытовую ситуацию, с другой – как мифо-символическую, вписанную в систему архаической народной культуры. На этом основании и формируется стереотипный образ, который актуализируется всякий раз при использовании (употреблении, произнесении) приметы.

Для приметы обязательным является одно условие произнесения: всегда к случаю (конечно, если это не искусственно смоделированная ситуация ее репродуцирования). Приметы, как правило, вписаны в ситуацию, и эта «дискурсивность», с одной стороны, способствует их десакрализации, погружению в сферу профанного, обыденного, с другой – суггестивному программированию повседневного быта, что не предполагает рациональной оценки содержания текста. Сугге-

стивное воздействие примет основывается в значительной степени на устойчивых ассоциациях, связанных с символикой элементов окружающего мира, «обработанных» традиционной культурой в рамках типовых тактик (гадательных, прогностических и др.) включения сакрального текста (СТ) в дискурс. Ср. вариант апотропеических примет – развернутое объяснение причины запрета и «рецепт» действия-оберега:

«Никогда не плюй на правый бок, на правую сторону, потому что ангел-хранитель при правом боке, а дьявол при левом: на него и плюй, говори: “Аминь” и растирай ногой» (Богдановичск.р-н Свердловск. обл.);

«Родится теленок, ягненок, хоть кто, первый раз идешь смотреть, надо взять в рот соломинку, чтоб не обáйкать. Вот берешь в зубы-то и помалкивашь, а скажешь: “Ай, какой теленок родился!” – и обáйкаешь. У знакомых второй год пропадают телята, потому что бабушка сразу обрадуется, обáйкает, у ей, может, глаз тяжелый или слово како нехороше» (Талицк. р-н Свердловск. обл.).

Заметим, что такие пояснения нетипичны для повседневного употребления примет при общении односельчан друг с другом и отмечаются, как правило, в специально смоделированной ситуации направленной рефлексии (опроса информанта), когда, например, диалектоносите́ль объясняет «чужому» смысл приметы. Ср. игровые вербальные обереги, сопровождающие табу:

«На дорогу не спрашиваю! “Куда идешь?”. Если кто спросит, то говорят: “На Кудыкину гору” (или: “На Кудыкину гору воровать помидоры”, “На Кудыкины горы за высоки заборы”, “На Кудыкину гору попроведа́ть Федору” и т. п.), чтоб сплазу не было или че́-нибудь не повезло» (повсеместно);

«Как первую рыбу поймашь, нельзя радоваться, надо говорить: “Попалась, да не та”. Дедушка-то у меня рыбак, вот мы поедем с ним, рыбу поймает, я радуюсь, а он говорит, не радуйся, скажи: “Попалась, да не та”. Я говорю: “Как не та, большая ведь”. А он говорит, что если сказать так: “Попалась, да не та”, – то еще крупней попадет» (Талицк. р-н Свердловск. обл.).

Это особый тип высказываний, который можно условно обозначить как *дискурсивная семантизация*. Дискурсивное мышление – форма мыслительной стратегии, в которой происходит последовательный перебор различных вариантов решения задачи, чаще всего на основе связного логического рассуждения, где каждый последующий шаг обусловлен результатом предыдущего. В этом смысле дискурсивная семантизация диалектоносителями сакрального содержания предполагает его соотнесение с целым рядом ситуаций как профанных, так и сакральных, которые в сознании носителя традиционной культуры часто синкретичны.

Такого рода толкования не предполагают собственно формулирования смысла выражения, текста. Информанты объясняют смысл СТ, вписывая его в с и т у а ц и ю собственной жизни, опыта своих родных или знакомых, иллюстрируя его (СТ) конкретными примерами. Приведем типичный пример пояснения, сопровождающего приметую-констатацию:

«Порча есть – значит, знатко́й посмотрел. Вот и говорят: “Ой, она знатка́!”. Вот у нас старик был такой, говорили: “Дедушко-то у Шахуриных знаткой, от его никаки семена не растут и никака скотина не ведётся, он слово како-то знат”. Мы сами у его гусей покупали, дак не могли развести, гусиха насносила яиц, а парить

не села на их, они пропали, остыли дак. Потом семена ещё у его покупали, он в деревне торговал, это ещё в 70-е годы было, когда не продавали в магазине ничё, а у его всё росло, гусей были стада, до сотни, овцы плодились, всё-всё. Ещё так говорят про женщин: “Она знатка́. Не знаткая, а знатка́”. Так и говорят, они присушками всякими любовников присушивают. Знатки́х-то не любят, это не то, что лекарка или знахарка, здесь с нечистой связано, после их слов плохо людям быват. К примеру, девчонка не любила парня нисколько, а бабушка-то прошла, её по волосам провела, погладила, и та сразу согласилась взамуж, потому что она знатка́, знат чё-то» (Талицк. р-н Свердловск. обл.).

Примета в таком случае – только отправная точка пояснительного дискурса. Записи СТ подобного рода от информантов разного возраста, разных говоров дают основания говорить о существовании особой формы представления приметы в сознании современных диалектоносителей. Это регламентация повседневного быта, осмысленная в соответствии с традицией в равной степени на житейском опыте и мистических представлениях. Ср. объяснение приметы-запрета:

«Нельзя продавать молоко непроверенному человеку. Начнешь молоко продавать, да хоть чё, надо знать, кому, а то молоко пропадет. Кто-то скажет: “О-о, како у тебя молоко-то жирно, вкусно!” – и все, изведет. У моей знакомой опять кур много, она в школе продала, у нее куры все сдохли. Кто-то, видно, сказал: “Сколько яиц-то у ей, даже продает!”. Позавидует или чё, черной завистью, и все хозяйство у другого-то нарушит, человек сам-то, может, не подозревает, а позавидует-то не с добра. Вот так у нас чаще всего говорят, а даром что за всем этим ходить надо, за курочками даже» (Талицк. р-н Свердловск. обл.).

Прагматичность жанра приметы базируется на таких ее составляющих, как апелляция к т и п о в ы м ситуациям, жизненно важным для л ю б о г о носителя данной лингвокультуры, проецирование обобщенного прогноза, значимого для гарантированного жизненного благополучия социума, на пространство конкретных притязаний индивида, что придает примете как СТ особую суггестивную убедительность.

Дискурсивные толкования проявляются в направленной и спонтанной рефлексии говорящих по поводу содержания СТ и могут быть представлены разными формами: через соотнесение с обрядом, через соотнесение с ситуацией, через соотнесение с личным опытом. Прагматика приметы как СТ не предполагает оценки ее содержания по параметру «достоверность » недостоверность», примета для субъекта, ее использующего, всегда достоверна, поскольку базируется на опыте социума, на традиции, закрепленной в регламентированных моделях поведения в тех или иных типовых ситуациях. Вообще индивидуальное «я» в общественной примете отходит на второй план, перекрывается социосемантикой, подавляется социокультурной регламентацией поведения.